

Антропонимика в *Passio Perpetuae et Felicitatis*: имена и анонимы, имена-субституты и имена-табу

Нина В. Брагинская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, 1satissuperque@gmail.com*

Аннотация. В *Passio Perpetuae et Felicitatis* одни персонажи называются по имени, другие заместительными именами или описательно, третьи только по функции, должности или родству. В статье исследуются имена в их социальном аспекте: что они говорят или могут говорить об их обладателе; кроме того, предполагаемое восприятие имен анонимным Рассказчиком, который в целом придает событиям мученичества наряду с «историческим» символический смысл, а самым обычным именам – провиденциальное звучание. Особое внимание уделено имени «Перпетуя». Оно впервые поставлено в связь с существованием в Карфагене рубежа II–III вв. семейства высокопоставленных государственных деятелей Перпетуев, востребованных Септимием Севером, императором африканского происхождения. Высказана гипотеза, что «Перпетуя» – гамонимик, когномен, полученный от мужа, умолчание о котором заставляет гадать о причинах этого. Уточняется гипотеза о разводе Перпетуи с мужем, основанная на положении его семьи при императоре.

Автор исходит из того, что в «*Passio*» читатель имеет дело с документальной книгой, состоящей из текстов пяти авторов. При анализе того, кто из создателей всех входящих в «*Passio*» частей кого и как именует или оставляет без имени, автор статьи обнаруживает как особенности выбора для именования в отдельных частях (так, в *Прологе* и *Эпilogue* упоминаются только ипостаси Троицы, а Редактор-Составитель «*Passio*» называет только имена мучеников), так и общую для них «стратегию» называть персон, причастных полюсам сакрального: полюсу скверны (диавол, Египтянин, судья-проконсул Гилариан, языческие божества Сатурн и Церера) и полюсу святости (Святой Дух, Господь, Иисус Христос, Бог и их заместительные имена: Ланиста, Помпоний, а также мученики и клирики как в земной жизни, так и ином мире; к душам мучеников примыкает покойный младший брат Перпетуи Динократ, которого Перпетуя вымолила у ада). Остальные описываются по функции. За исключением мучеников Перпетуи и Сатура, авторы остальных частей «*Passio*» в соответствии

с этой стратегией остаются безымянными. Но из всех групп выпадает катехумен Рустик, находившийся во время звероборства непосредственно на арене и поддерживавший Перпетую. Это подкрепляет высказанную ранее мысль о том, что Рустик – не мученик и не клирик – это сфрагида автора описания, который ввел свое имя, так сказать, «контрабандой».

Ключевые слова: Passio Perpetuae, антропонимика, символика имен, имена-субституты, анонимы, стратегия именования

Для цитирования: Брагинская Н.В. Антропонимика в Passio Perpetuae et Felicitatis: имена и анонимы, имена-субституты и имена-табу // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2024. № 2. С. 12–41. DOI: 10.28995/2658-4158-2024-2-12-41

Anthroponymy in Passio Perpetuae et Felicitatis: names and anonyms, substitute names and taboo names

Nina V. Braginskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, 1satissuperque@gmail.com*

Abstract. In Passio Perpetuae et Felicitatis, some characters are referred to by their names, others by substitute names or descriptively, others only by function, office or kinship etc. The article explores names in their social aspect: what they say or can say us about their bearers, and the presumed perception of names by the anonymous Narrator, who generally gives the events a symbolic meaning, and imbues the common names with a providential sound. Special attention is paid to the name “Perpetua”. The name is put in connection with the Carthaginian family of high-ranking statesmen Perpetui, who at the turn of the 2nd – 3rd centuries, who were close to Septimius Severus, the emperor of African origin. It is hypothesised that “Perpetua” is a gamonym, a cognomen received from her husband, whose reticence keeps us guessing as to its causes. The hypothesis of Perpetua’s divorce from her husband is clarified, if one takes into account his position as a member of family close to the emperor, which is incompatible with matrimony with a Christian woman

The author assumes that in “Passio” the reader is dealing with a documentary book consisting of texts by five authors. When analysing whom and how and which of the five names or leaves characters unnamed, the author of the article reveals both the peculiarities of the name choice in the individual parts (for example, in the Prologue and Epilogue only the hypostases of the Trinity are mentioned, while the Editor-Compiler gives only the names of the martyrs). And the common “strategy” of naming persons involved in the poles of the sacred: the pole of profanity (the devil, the Egyptian, the judge-consul Hilarian, the pagan deities Saturn and Ceres) and the pole of abomination (the Holy Spirit,

the Lord, Jesus Christ, God, and their substitute names: Lanista, Pomponius, as well as martyrs and clerics both in mortal life and in the other world, the souls of the martyrs (late younger brother Dinocrates, whom Perpetua begged from hell). The others are described by function. With the exception of the martyrs Perpetua and Saturus, the authors of the rest of the *Passio* remain nameless according to this strategy. But the catechumen Rusticus, who was directly in the arena during the bestiality and who supported Perpetua, falls out of all groups. This reinforces the earlier published idea that Rusticus is the author of the description, who introduced his name by “smuggling” sphragis.

Keywords: *Passio Perpetuae*, anthroponymics, name symbolism, substitute names, anonyms, naming strategy

For citation: Braginskaya, N.V. (2024), “Anthroponymy in *Passio Perpetuae et Felicitatis*: names and anonyms, substitute names and taboo names”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, pp. 12–41, DOI: 10.28995/2658-4158-2024-2-12-41

Что в имени тебе моем?

Пушкин

What is a Romeo?

Shakespeare

Имя мученика не должно быть забыто и потеряно, все их имена должны быть сохранены. И лучше вписать в *Мартиролог* имя одного святого несколько раз, потому что разные источники приписали ему разные локусы, даты, сомучеников и другие обстоятельства, чем упустить кого-то из-за сомнения в его историческом существовании. Так составлялись древние списки, таков и так называемый «*Мартиролог Иеронима*», а в той или иной мере и другие.

Мы попытаемся понять, как авторы «*Страстей свв. Перпетуи, Фелицитаты и с ними пострадавших*» (далее – «*Страсти*» или “*Passio*”) обращаются с именами: какие называют или обходят молчанием, а какие не обходят специально, но не устаивают упоминания собственного имени, а называют по родству, роли, функции, статусу, профессии, каким дают имя-субститут (заместительное) или прозвище. Иными словами, посмотрим, кто, как, когда, кого и почему называет и *не* называет по имени.

Кроме того, некоторые имена кажутся нам или современникам мучеников «говорящими» символическими. Поэтому мы обсудим имена по отдельности, что они нам говорят, что можно узнать по ним об их носителях и понять, почему их так называли.

Чтобы назвать называющих, нам необходимо выделить авторов именования или неименования, ведь «*Страсти*» составлены из текстов разных авторов, а известны имена только двух из них – Перпетуи и Сатура, остальные себя не называют. Впрочем, Перпетуя

и Сатур тоже себя не называют как авторов. Имя Перпетуи всплывает в ее первом видении, когда к ней обращается Сатур, а она называет Сатура, когда видит его на небесной лестнице. В своем собственном *Видении* Сатур также обращается к Перпетуе по имени, но себя не называет, и Перпетуя его не называет. Обращение по имени происходит по ходу событий, ни Перпетуя, ни Сатур не заботятся сообщить о своем авторстве.

Удивляет не столько это обстоятельство, сколько то, что они не назвали своих союзников. Ни одного. При этом Перпетуя, говоря об условиях жизни в тюрьме, крещении, общей молитве и ожидании общей участи, постоянно пишет «мы», имея в виду сотоварищей. В том единичном случае, когда один из этих сотоварищей к ней обратился, она называет его «мой брат», имея в виду христианина (IV, 1), а умершего родного брата Динократа она называет «брат мой по плоти» (VII, 5).

Сатур, встречая в Раю казненных ранее знакомых ему мучеников, перечисляет их имена и спрашивает: «Где остальные?» В Рай он попадает вместе с Перпетуей, и вопрос как будто бы касается их с Перпетуей союзников, но он не говорит: а где Секундул? а где Сатурнин? Его вопрос повисает в воздухе: ему не отвечают. Запомним это.

Кроме сочинений Перпетуи и Сатура, в тексте есть еще несколько частей, авторы которых не указаны, так что до сих пор было принято для простоты считать их всех одним автором, Редактором и Составителем [Bremmer, Formisano 2012, p. 5; Крюкова 2013, с. 44; Kitzler 2015, pp. 7, 20; Пантелеев 2017, с. 241–242; Cobb 2021, p. 2 и многие другие]. Впрочем, простота тут относительна. Ж. Ама тратит довольно много аргументов, чтобы доказать себе и другим, будто три резко отличных стиля, три совершенно разные задачи и три несводимых к одной позиции могут быть приписаны одному автору [Amat 1996, pp. 77–78]. Только Т. Хеффернан мельком отмечает, что Прологист и Рассказчик-Очевидец могут быть разными людьми, но в книге в целом говорит о едином третьем голосе Редактора [Heffernan 2012, pp. 3, 147].

Мы же полагаем, что их не менее пяти. У автора *Пролога и Эпилога*: содержание богословское и проповедническое, стиль торжественный, синтаксис тяжелый, перегруженный, лексика своеобразная (гл. I и гл. XXI, 11). Поясняющие вставки между частями скромные и, так сказать, бесстильные; яркий и взволнованный рассказ очевидца казни, осмысливающий происходящее, а не просто описывающий, имеет собственный облик (XIV, 2 – XX, 10)¹.

¹ Аргументам в пользу пяти разных голосов в “*Passio*” мы посвятили статью [Braginskaya, Lebedev 2023].

Итак, у нас пятеро «называющих» или не называющих. Трое анонимы. Впрочем, анонимам принадлежат практически все ранние мученичества: те, кому дано было узнать, увидеть и записать, не называют своих имен, их задача увековечить имена умерших за Христа, не показываясь на сцене. Начнем с первого анонимного автора *Пролога* и *Эпилога*.

Он – наставник, проповедник и богослов, и его не интересуют детали событий мученичества, он не называет ни одного имени, кроме Духа Святого, Иисуса Христа, Господа и Бога. Его тема – эсхатология и роль новых пророчеств в укреплении верующих и в строительстве церкви. В эсхатологической перспективе этот автор утверждает равную значимость библейских и новых пророков, вдохновляемых при приближении последних времен силой Святого Духа. Он прославляет мучеников как провозвестников последних времен. Но не ему записывать даты и имена. Он смотрит поверх голов и *поручает* описывать подвиги и пророчества мучеников, собирать свидетельства и читать такие записи в церкви: «Как новые пророчества, так и новые видения, и остальные проявления силы Духа Святого предназначаем для наставления Церкви <...> и должны <их> записывать и во славу Божию читать вслух» (I, 5). Уже по одному этому он не может быть ни Рассказчиком-Очевидцем, ни Редактором-Составителем. Рассказчик определенно откликается на требование записывать проявления в мучениках силы Святого Духа, и сказанное в *Прологе* он исполняет: «Итак, поскольку Дух Святой дозволил и дозволением изъяснил Свою волю, чтобы было записано, что и как происходило на играх...» (XVI, 1). Автор *Пролога* тоже был современником и свидетелем событий на арене (I, 6), но из горнего воздуха, где находится место только именам Троицы, к именам мучеников мы переходим, только когда голос проповедника смолкает.

Другой голос дает необходимую «справку»: Редактор-Составитель должен сообщить читателю имена арестованных молодых людей, будущих мучеников. Автор же *Пролога*, по всей видимости, обращается к карфагенской общине, которая отмечает день памяти своих святых, столь ей хорошо известных, что имена их незачем и упоминать. При переходе от патетического текста *Пролога* к сухому сообщению фактов в гл. II происходит резкая смена стиливого регистра и жанра повествования: «Ревокат и Фелицитата, с ним бывшая в рабстве, Сатурнин и Секундул; среди них и Вибия Перпетуя, знатного происхождения, благородного воспитания, в замужестве – матрона» (II, 1). В число почитаемых церковью карфагенских мучеников 203 г. входит и их катехизатор, Сатур, но он не упомянут.

Редактор-Составитель в текст в основном не вторгается, он «прокладывает» своими пояснениями отдельные части. После *Пролога* перед *Записками* следует принадлежащая ему гл. II – преамбула; после *Записок* перед *Видением* Сатура – предупреждение об этом *Видении*: «Но и благословенный Сатур обнародовал вот такое свое видение, им самим записанное» (XI, 1). Всего два слова «но и» (sed et) позволяют думать, что рука, это написавшая, вставила *Видение* Сатура в текст “Passio” после *Записок* Перпетуи с их четырьмя сонными видениями. А еще одна рука и только в одной рукописи (M; см. табл. 1) добавила: Visio Saturi. После *Видения* – еще одна прокладка: «Таковы необыкновенные видения сих блаженнейших мучеников Сатура и Перпетуи, ими самими записанные» (XIV, 1).

Таблица 1

M	Monte Cassino 204
A	Ambrosiana C.210
G	St. Gallen 577
E	Einsiedeln 250
P	Bib. Nat. 17626
N	BL Cotton Nero E.I
S	Salisbury Cathedral 221 Olim Fell. 4
O	BL Cotton Otho D.VIII
C	Canterbury E.42

Обозначение рукописей “Passio” здесь и далее по изданию Т. Хеффернана [Heffernan 2012, p. 369].

В *Записки* Перпетуи внесены еще несколько «посторонних» пояснений: имени Сатура и имени проконсула, который до Гилариана, приговорившего мучеников к казни, обладал правом приговаривать к смерти, но умер сам. Как было сказано, Перпетуя не называет по имени ни одного из союзников, а Сатура – только в сонном видении, где оба они находятся за пределами земной жизни на лестнице к небу. И тут в пророческом видении мы находим «справку», причем более точную и развернутую, чем представление катехуменов в II, 1: «Сатур, кто после ради нас добровольно сдался (ведь он был для нас домостроителем), а когда нас привели, его с нами не было» (IV, 5).

Этот комментарий вторгается в посещение Рая и не слишком вяжется ни со стилем видения, ни вообще с тем, как пишет сама

Перпетуя. Она ярко и емко рассказывает о происходящем, о том, что видит во сне и наяву, что чувствует, отмечает, что стражник увидел присутствие в узниках божественной силы, но не озабочена какими бы то ни было пояснениями и примечаниями для внешнего мира. Она пишет «для своих», как и Сатур, как и богослов-проповедник – для тех, кто присутствовал при казни, а если не присутствовал, то теперь слушает об этом в церкви (I, 6).

Мы предполагаем, что пояснение о Сатуре – это еще одна вставка. Но сказать «был *нашим* наставником» («домостроителем»), кроме самой Перпетуи, мог только другой член огласительной группы Сатура, катехумен, который не был арестован. Мы знаем двух таких людей: Рустика и безымянного родного брата Перпетуи, который тоже был на арене во время казни рядом с сестрой. Пока мы оставим обе возможности. Вернемся к вопросу об авторе позже.

Вторжение в *Записки* можно видеть и в примечании о том, кто был предшественником Гилариана: «И Гилариан, прокуратор, который принял *тогда* право меча вместо умершего проконсула Минуция Тиминиана» (VI, 3). Зачем Перпетуе перед тем, как ответить: «Я христианка!», сообщать, кто принял «тогда» право меча? Разве было ей дело до этого? Разве мы не слышим в этом «тогда» (tunc) временную дистанцию, которой не могло быть у Перпетуи? Эти сведения скорее походят на данные из «шапки» протокола допроса. Сведения о том, что Гиларий принял на себя полномочия проконсула в силу невозможности покойного исполнять свои обязанности, имеют сугубо бюрократический интерес. Всего вероятней, что объяснение, касающееся должности и, соответственно, даты, внесено Редактором-Составителем.

Возможно, и еще одна фраза написана через известное время после создания основных текстов². Это сообщение о том, что некая христианка забрала из тюрьмы новорожденную девочку Фелицитаты «и воспитала как свою дочь» (XV, 7).

Лексика II, 3; XI, 1 и XIV, 3 указывает на одну руку; IV, 5 мы приписываем одному из катехуменов. Еще две вставки (VI, 3 и XV, 7) могут принадлежать тому же, что первые три, или какому-то другому редактору.

А. Бастиансен, следуя той же логике обнаружения лишних для карфагенской общины уточнений, считает редакторской вставкой, а не речью Сатура, пояснение о том, что «Йокунда, Сатурнина и Артаксия сожгли живьем *во время того же гонения*, а еще Квинта, тоже мученика, умершего в тюрьме» [Bastiaensen 1987, p. 436]. Сатур не давал такой справки. Имена, им названные, известны

² Э. Гонзалес, С. Робек и др. также считают, что Рассказчик писал по горячим следам событий [Gonzales 2013, p. 37; Robeck 1992, p. 13].

аудитории Сатура, потому он их и назвал. Но они не были казнены во время «того же гонения» на Перпетую, Сатура и остальных, так как их мученичество имело место *раньше*, а день рождения Цезаря Геты раньше отмечаться не мог³. А Редактор-Составитель, возможно, знал о них не больше нашего. В своих отдельных вставках, не вклинивающих в текст другого автора, Редактор-Составитель указал имена всех мучеников этого “*Passio*”; но он или другой редактор вписал в текст Перпетуи сведения о покойном проконсуле и пострадавших в «том же гонении», неизвестно.

Итак, мы называли тех пятерых, кто называет имена. Не будь у нас преамбулы и пояснительных вставок, мы бы не знали, чьи перед нами *Записки*, и к кому это обращается Сатур по имени в своем *Видении*. Как и читатель не из «местных», мы бы не знали, кому принадлежит это *Видение*, если бы после окончания *Записок* ничего не было добавлено. Нам будет важно узнать теперь, кого и как называют Перпетуя и Сатур.

Никто из действующих лиц не был назван римской классической триадой преномен-номен-когномен. В данный период времени отдельные части традиционной триады – личные, родовые и родовые прозвища – стали фигурировать как имена рабов, вольноотпущенников, клиентов, а провинциалы получали имена римских родов вместе с римским гражданством, т. е. формально приписывались к существующему римскому роду.

Перпетуя

Два имени в “*Passio*” имеет только Перпетуя: *Vibia Perpetua*. Считается, что она приписана к роду Вибиев, что ее отец относился к провинциальной знати. Характер Перпетуи, твердый, неколебимый, непреклонный, решительный, делает естественным предположение о том, что *Perpetua* – агномен, т. е. индивидуальное, а не наследуемое прозвище, данное ей за эти качества в христианской общине. Но могли ее так назвать и в семье при рождении. Преномен-прилагательное, подобное *Perpetua*, дают в качестве благопожелания, на долгую жизнь⁴: постоянная, неизменная, а не хрупкая и болезненная. Однако никто из семьи не обращается к ней таким образом. Мы не слышим этого имени из уст стражей, трибуна,

³ Оставить этот текст за Сатуром можно, прочитав *eadem persecutione* как «при подобном гонении», т. е. при гонении на христиан. В рук. А, Е, G, Р *eandem persecutionem passi*: «претепели такое же гонение».

⁴ Фортуната, например, – это та, кто будет удачливой, с таким именем известно 1093 женщины! [Nuorluoto 2021, p. 37].

прокуратора. Помимо обращения Сатура к Перпетуе в ее видении (IV, 6), Сатур обращается к ней и в собственном *Видении* (XII, 7). И диакон Помпаний в ее видении (X, 3) называет ее Перпетуей, и Рассказчик, катехумен, близкий Перпетуе и ее семье, называет ее так неоднократно (XVI, 1; 2, XVIII, 2; 7, XX, 3; 8; XXI, 8).

В позднейших Актах значение ее имени определенно понимается как символическое⁵, а как к Вибии, к ней никто не обращается.

Римская ономастика имперского времени чрезвычайно сложна и неупорядочена. Система республиканского времени не отвечала ситуации империи. Апостол Павел родился Савлом, но он обратил проконсула Сергия Павла, и тот включил его в свой род, Савл стал Сергием Павлом и после упоминания о получении нового имени в Деян 13:7–9 больше Савлом не назывался. Но это не было общим правилом. Греки, которым предоставляли ограниченное римское гражданство (муниципальное), оставались в быту Кратетами или Никодимами, а официально имели римский помен и *cognomen*.

Имя *Vibia* может выступать не только как родовое, но и как личное имя женщины. Финский эпиграфист Мика Каява обнаруживает дюжину в основном италийских надписей и одну римскую, где *Vibia* – преномен, отвечающий мужскому осскому преномену *Vibius*, хорошо документированному для Центральной и Южной Италии⁶. В целом в именах женщин в имперский период царил «беспорядок» еще больший, нежели в именах мужчин.

⁵ Перпетуя говорит отцу: «Если ты хочешь, отец, чтобы дочь твоя действительно была *perpetua*, то вечной и блаженной жизни не достичь иначе, как исповедуя Христа и презревши мир сей» (*Acta SS. Perpetuae et Felicitatis*; по изд. [Van Beek 1936]): *Textus B II, 2: Sancta Perpetua respondit: "Filiam tuam, pater, si vis vere esse perpetuam, nisi per Christi confessionem ad perennem et beatam vitam et praesentis saeculi contemptum non potest pervenire"*. Ср. *Textus A II, 2 Textus B VI, 3*). И проконсулу она отвечала: «Я – христианка, и следую воле имени своего, дабы быть *perpetua*», т. е. неизменной и непоколебимой (*Ibid. Textus A V, 9: Christiana sum, et nominis mei sequor auctoritatem, ut sim perpetua*; ср. *Textus B V, 5*). В первом случае Перпетуя использует тот смысл, который имя имело, когда его давали младенцу в качестве благопожелания, и был известен отцу. Но она подменяет пожелание долгой жизни пожеланием жизни вечной, во втором – обыгрывается моральный смысл постоянства и твердости.

⁶ Женский преномен *Vibia* встречается уже в ранней осско-греч. надписи IV/III в. до н. э., в фалийской надписи, а в 61 стихотворении Катулла воспевается свадьба патриция Манлия Торквата с женщиной, которую зовут *Vinia* или, скорее, *Vibia Aurunculeia* (61, 16; 86). Это двойное

Что же касается имени *Perpetua*, то эпиграфические и исторические источники сообщают нам о том, что в римском мире – от республиканских до имперских времен – по крайней мере по каталогу И. Каянто, 29 женщин имели преномен или когномен *Perpetua* [Nuorluoto 2021, p. 46], а по электронной базе “The Epigrafik-Datenbank Clauss-Slaby” – 32 женщины⁷, но в трех из

имя может подтверждать неримское происхождение его обладательницы [Kajanto 1994, pp. 84, 203]. Этруск. *Vipia* Рикс считает родовым именем [Rix 1963, p. 49 и сл.].

⁷ Приведенные ниже сокращения см. в указанной эпиграфической базе данных: https://db.edcs.eu/epigr/hinweise/abkuerz.php?s_language=en 1. CIL XI 261 = ILCV 1962 (Ravenna, 432–450 CE): *Daria Perpetua* (это мозаика во дворце архиепископа. Дарья указана напрасно, это соседняя мозаика, где изображена мученица Дарья, а не двойное имя); 2. AE 2011, 1751 (Carthago): *D. M. S. ... Valeria Q. f. Perpetua*; 3. CIL XIII 4363 (Belgica): *D. M. ... Carantia Perpetua*; 4. CIL XII 2005 (Vienna, 151–200): *D. M. ... Sucaria Perpetua* (один из ее сыновей тоже имел имя Перпетуй); 5. CIL XIII 7299 (Mogontiacum): *Victoria Perpetua*; 6. CIL XIII 5018 (Germ. sup.): *D. M. ... Publicia Perpetua*; 7. HEр 1989, 629 = AE 1987, 711 (Hisp. cit., 1–30): *Clodia Perpetua*; 8. CIL II 3924 = 6023 = 6044 (Saguntum, 101–200): [---] *icia Perpetua*; 9. AE 1908, 75 (Carthago): *Perpetu(a)e fili(a) e dulcissimae*; 10. CIL VIII 13848 (Carthago): *Perpet[ua] fi[delis]*; 11. CIL VIII 25038 = ILCV 2041 etc. (Carthago): *hic sunt martyres Per[pe]tua*; 12. CIL VIII 25273 (Carthago): *Perpetua m(ensium) VII*; 13. ILTun 1147 (Carthago): *Perpetua in pace* (это сомнительный случай, поскольку “in pace perpetua” – «в вечном покое»; но поскольку другого имени нет, можно видеть здесь имя); 14. ILAfr 66, 15 (Hadrumetum): *Perpetua* (nothing else); 15. AE 2014, 621 (Baetica, 451–600): *Perpet[ua] ho[n]esta fe[mina]*; 16. BCH 1918 XCVIII = CAG XIII.5 p. 668 (Arelate): *D. M. ... Nigidia Perpetua*; 17. CIL XIV 3637 = InscrIt. IV.1 174 = AE 2003, 571 (Tibur, 101–150): *D. M. Aelia T. f. Perpetua*; 18. CIL XIII 3161 (Lugudensis): *D. M. ... Perpetuae coniug(is)*; 19. CIL XIII 1820 (Lugudunum): *Perpetua filia* (родители: *Nobilis Tib. Caesaris Aug. ser. and Iulia Adepta*); 20. CIL XIII 1976 (Lugudunum): *Adiutoria Perpetua*; 21. AE 2001, 1169 (Emerita, 492 CE): *Perpetua famula dei*; 22. CIL VIII 21246 (Caesarea): *Iulia Maxuma Perpetua*; 23. TitAq. IV 1748 (Aquincum, 171–230): *Aelia Perpetua*; 24. ICUR III 7742 (Rome, 291–325): *Perpetua f(ecit) s(ibi)*; 25. ICUR III 8271 (Rome, 301–400): *Perpetuae ... annos XVI*; 26. ICUR VI 16395 (Rome, 291–325): *Perpetua in pace* (ничего больше не написано, необходима та же оговорка, что и в № 13); 27. ICUR VII 19235,3 (Rome, 301–400): *Perpetua* (только имя); 28. ICUR VIII 22595 = ILCV 4013 (Rome, 301–350): *Perpetua dulcis vixit ann. I...*; 29. ICUR IX 25323 (Rome, 301–350): *L. Lic[ini]us Chres[tus Perpe]tu(a) incompe[ra]bili ...* (тоже сомнительно); 30. ILSard I 107 (Carales, 331–370):

них – №1 (мозаика в Равенне), 11 (плита из Basilica Majorum Карфагене), 32 (Мозаика из собора города Пореч в Хорватии) – это имя святой Перпетуи. Однако еще 29 женщин назывались так же, причем пятеро, не считая шестой Вибии Перпетуи, известны по надписям только Карфагена (№ 8, 9, 10, 12, 13)! Это обстоятельство снижает вероятность индивидуального прозвища, данного Перпетуе в христианской общине за ее исключительные качества, и мы не можем поэтому быть уверены, что «Перпетуей» наша героиня стала среди братьев по вере из-за ее непреклонности, а не иначе, как еще три десятка женщин. Если же предположить, что Вибия личное имя, а не родовое, то и отца ее звали не Вибий.

Заглянув в старую «Просопографию Римской империи», я обнаружила девятиерых мужчин с когноменом *Perpetuus*, причем часть из них относилась к Северной Африке и рубежу II–III вв.⁸ Этим я поспешила поделиться с коллегой по семинару П.Н. Лебедевым, который и указал нам на знатное семейство Перпетуев, происходивших из Северной Африки и сделавших карьеру, и даже исключительную карьеру, во II–III вв. при первом императоре африканского происхождения – Септимии Севере [Лебедев 2023, с. 85]. Среди них видный военный и государственный чиновник рубежа II–III вв., к тому же писатель и автор жизнеописаний императоров Марий Максим Перпетуй Аврелиан (по-русски часто транскрибируется как Перпетв). Его карьера не была тесно связана с родной Африкой, он был деятелем в масштабах империи. Около 203 г. ему должно было быть за сорок. Его сын по имени Луций Марий Максим Перпетуй станет римским консулом через три десятилетия после интересующих нас событий. Брат Мария Максима, тоже Луций Марий Перпетуй, вероятно, достиг вершины своей карьеры именно в 203 г.: по некоторым данным, он был в этом году назначен консулом суффектом, причем назначение должно было исходить от Септимия Севера, посетившего в этот год Карфаген. Связи с Африкой семья не теряла, получая высокие должности и в этой провинции [Meppen 2011, pp. 109–112].

Перед нами вырисовываются две возможности интерпретации имени Перпетуя. Она могла быть дочерью Мария Максима Перпетуя Аврелиана или его брата или иного члена семьи, не столь знаменитого, и тогда *Vibia* – ее личное имя, преномен (см. о такой

Perpetua marito incomparabili 31. CIL V 8383 (Aquileia): ... *Perpetuae* ... *Eutiches sib(i) et ... [coniugi] ...*; 32. InscrIt. X, 2 83 (Parentium, Пореч, 501–550) *S(an)c(t)a Perpetua* (мозаика в церкви в Хорватии).

⁸ *Prosopographia Imperii Romani*. Saec. I. II. III / ed. P. de Rohden, H. Dessau. T. 3: P–Z. Berolini: apud Georgium Reimerum, 1898. P. 23.

возможности выше), а родовой когномен она в качестве когномена личного получила от одного из Перпетуев, который был ее отцом. Однако положение этой уже не местной, а общеимперской знати таково, что о публичном избииении кого-либо из них на суде, как это произошло с отцом Перпетуи (VI, 5), речь, пожалуй, идти не может.

В имперский период родовых имен катастрофически не хватало. Родовое имя отца в качестве граеномен теряет свою дифференцирующую роль. Его место занимает персональный *cognomen*, который женщина получает не только от своего супруга (так называемый «гамонимик»), но и от матери, бабушки, деда и др. Возможно также, что гамонимик свидетельствовал о полном переходе под власть мужа⁹. И чтобы отличать полных тезок друг от друга, нанизывание имен доводило до шести-семи-восьми.

Перпетуя могла, следовательно, быть и женой одного из членов семейства Перпетуев¹⁰. Надписи имперского периода, особенно из провинций, показывают, что части составных имен женщин берутся у супруга и могут стать как именем, так и когноменом жены. Например, Marcia Antonia была женой M. Antonius Doles [Kajanto 1977, p. 157 и сл.; Kajava 1994, p. 109, n. 15].

Вышедшая замуж за представителя рода Перпетуев дочь семьи Вибиев стала бы Вибией Перпетуей. Высокое положение мужа, быть может, объяснит нам одновременно и слова о высоком статусе Перпетуи (*matronaliter nupta*), и таинственный заговор мол-

⁹ Впрочем, и в республиканский период чуть ли не треть римских мужчин звались Гаями, и Плутарх сообщает, что, входя в дом мужа, новобрачная произносила клятву: «где ты Гай, там я Гайя», символически принимая имя супруга (*Plut. Quaest. Rom.* 30, ср. [Kajava 1994, p. 106–109]).

¹⁰ Именования жены по мужу в исключительных случаях известны уже в республиканское время. В ранний период родовое имя мужа или преномен, или то и другое чаще было в род. п. Например: дочь Марка Туллия Цицерона именовалась по родовому имени отца как Tullia M(arci) f(ilia), а его жена – Terentia Ciceronis (uxor). Но кроме указания на имя мужа в род. п., достаточно рано, уже в конце IV в. до н. э., фиксируется форма гамонимика, который добавляется к имени (возможно родовому) в именительном падеже прилагательного, например: Dindia Macolnia (CIL I² 561" [Kajava 1994, p. 21, n. 21]). Когномены зародились у знати и стали передаваться по наследству, делаясь со временем прообразом индивидуального имени [Nuorluoto 2021, p. 16]. Несколько позже, чем у нобилей, но для нашего времени «давно», в конце II – начале I в. до н. э., и у женщин появляются когномены, как полученные от родового когномена мужа, так и собственные, а затем выступают уже в качестве личных имен. При этом номенклатура женщин варьирует и по регионам, и во времени; точнее и подробнее см.: [Kajava 1994, pp. 27–31].

чания вокруг ее супруга и отца их ребенка. Муж и отец младенца не предпринимает никаких усилий ни для поддержки Перпетуи и ребенка (что делает ее родная семья), ни чтобы убедить ее отречься от Христа (что делает ее отец), ни чтобы отобрать у нее своего сына. В то же время никто не называет ее вдовой. И никто никогда не упоминает ни имени мужа, ни самого факта его существования. Либо брак был заключен *sine manu*, то есть и Перпетуя и ее потомство остались под властью и на ответственности ее отца, а после развода Перпетуя возвратилась под власть родителя.

Выражение *matronaliter nupta* уникально, быть может, именно потому, что описывает уникальную ситуацию. Нужно сделать одновременно две вещи: отметить высокий статус матроны, вошедшей в знатную семью, и при этом обойти молчанием то обстоятельство, что с этим статусом произошло. Ведь Перпетуя не рабыня, как Фелицитата, чья беременность не вызывает вопросов о муже: институт брака не распространяется на рабов. Когда значительно позже появятся Акты об этом мученичестве, семейное положение обеих матерей будет приведено к «норме». Супруг Перпетуи, язычник, как и вся ее родная семья (вопреки нашему “*Passio*”), является на суд, муж несет на руках младенца и взывает к благоразумию и человечности своей супруги (*Acta, Textus A и B VI, 1*). Фелицитату же судья спросит, есть ли у нее муж, и та ответит гордо, что был, но теперь она его отвергает, презирает (*Acta Textus I, V, 2–3*).

Хотя никто до сих пор не обращал внимания в связи с мученицей Перпетуей на наличие североафриканского семейства Перпетуев, отсутствие супруга активно обсуждалось в научной литературе. Ему уделено место и в статье О.И. Ярошевской [Ярошевская 2024, с. 103–106], в частности и тому, что мужем Перпетуи был Сатур¹¹. Поддерживая коллегу по семинару в ее скепсисе на этот счет, укажем на то, что «Сатур» – греческое имя (*Saturus* – местная форма греч. имени *Satyrus*); с большой вероятностью Сатур был из греков. Греческий язык, необходимый в это время для катехизации, поскольку латинского полного перевода Библии еще не существовало, был ему родным, и он особенно радовался поэтому способности Перпетуи вести беседу по-гречески с карфагенскими

¹¹ К мотивам неупоминания мужа, указанным в статье О.И. Ярошевской, добавим еще несколько предположений, неизбежно спекулятивных: имя мужа вычеркнули позднее [Dronke 1984, pp. 283–284]. Б. Шоу считает наиболее вероятным, что брак Перпетуи со знатым мужем-язычником был расторгнут и она возвратилась в дом отца, к которому перешла ответственность за нее и внука [Shaw 1993, pp. 11, 25, 35–36]. Хабермель ссылается на аналогичные случаи, документированные в ранней христианской литературе (апокрифах) [Habermehl 2004, pp. 61–63].

клириками. Ничто не говорит о его высоком социальном статусе, которым должен был обладать супруг Перпетуи. У него одно имя; предположительно, Сатур был вольноотпущенником¹². Можно утверждать, что он не был рабом, когда выдал себя властям: раб собой не распоряжается.

Значительная часть исследователей склоняется к тому, что муж дал жене разводное письмо, узнав, что она связалась с христианами. В римском законодательстве процедура развода была очень простой [Лебедев 2023, с. 85–86]. Статус семьи Перпетуев, приближенных к императору и даже нескольким императорам, скорее всего и определил выбор между положением высокопоставленной семьи и женой, совершающей *crimen maiestatis*. Упомянуть мужа и развод не стоило именно потому, что все было слишком понятно.

В статье О.И. Ярошевской обсуждается и возможность отсутствия мужа в городе. Действительно, вероятность этого исключительно велика для членов семьи Перпетуев. Все известные поименно, исполняя свои высокие должности, непрерывно перемещались по империи, отправляясь то в Галлию, то в Келесирию, то к бельгам и т. д. Беременную, а затем кормящую жену с младенцем муж едва ли стал бы брать с собою в эти походы. Если его не было в Карфагене около года, он мог и не знать о том, что происходит дома. Однако если разрыва с мужем не было, его далекий поход вовсе не повод не упоминать его в *Записках*, посвященных в большой мере семейным отношениям. Но не только Перпетуя, все авторы хранят о нем молчание.

Так что расторжение брака с женщиной, которая связалась «со всяким отребьем» в тот момент, когда Перпетуя назначают, скажем, консулом-суффектом Рима, могло произойти стремительно и еще до ареста по инициативе мужа. И вот к визиту императора в Карфаген местная власть решила угодить Северу вдвойне: устроить великолепные игры и при этом либо избавить приближенного к императору чиновника от позорного пятна на его репутации, либо, напротив, в своих карьерных целях скомпрометировать его скандальной казнью жены и ее домочадцев.

¹² См.: [Heffernan 2012, p. 275]. Молодых людей, которые были схвачены вместе с Перпетуей, часто относят к числу ее рабов, это прямо сказано о Фелицитате и Ревокате, но по результатам нашего исследования, к которому мы еще возвратимся [Брагинская 2022], Ревокат – это прозвище Сатурнина, следовательно, Сатурнин – раб Перпетуи вместе с Фелицитатой. О Секундуле известно слишком мало, и само отсутствие каких-либо сведений скорее говорит о рабе, чем о свободном, тем более что уменьшительная форма уникальна и наводит на мысль о домашнем имени подростка (см. ниже об имени Секундула).

«Централизованных гонений» на катехуменов как будто бы не было. Соответствующий указ Септимия Севера не удается обнаружить [Лебедев 2021, с. 94–103], а христиане свободно приходили к узникам, могли помогать им на арене и не были гонимы «за само имя». Не объясняется ли самый арест и жестокий приговор «удачным браком», как перевел грек *matronaliter nupta*? Мы знаем решение Траяна не разыскивать христиан, но в случае доноса казнить. Донести на Перпетую могли как враги, так и доброжелатели Перпетуя-супруга, чтобы спасти репутацию государственного чиновника или, напротив, ее погубить. Интриги такого рода характерны для окружения первых лиц. Причины ареста именно этой огласительной группы остаются неясными. Казни христиан и локальные гонения возникали по локальным же обстоятельствам. Мы предполагаем, что такую локальную роль тут мог сыграть высокий статус семьи мужа¹³.

Итак, Перпетуя упоминает свое имя и имя Сатура в своих пророческих сновидениях, затем диаконов Терция и Помпония, обратившегося тюремного стража Пуднета, имена непосредственных гонителей: Гилариана и Цезаря (имя Геты сохранилось в одной рук. А, возможно, это позднейшее добавление). Кроме того, она называет имена персонажей иного мира. Именем Иисуса Христа Перпетуя защищается от змея на небесной лестнице. Из нее внезапно вырывается имя давно умершего брата Динократа, страдающего в преисподней и вызволяемого Перпетуей в некое подобие Элизия. Помпоний из видения – это уже не добрый помощник, дающий взятки страже. Он Провожатый, получивший такую роль во сне благодаря не только своим качествам, но и говорящему имени: Спутник, Провожатый. Он зовет ее прийти в небесную обитель, стучит в дверь и говорит: «Перпетуя, мы ждем тебя, приди». В его напутствии «Не бойся: здесь я с тобою и с тобою буду страдать и бороться» (X, 4) эхо слов Фелицитаты о Христе: «Сейчас это я терплю, что терплю; а там другой будет во мне, кто будет страдать за меня, потому что и я за него пострадать готова» (XV, 6). Тем самым открывается, кого представляет Помпоний (полиморфизм божественных личностей характерен для этой эпохи). К тому же это сон, а образы сна прихотливы; Христос, ангел смерти и Меркурий просвечивают во сне друг сквозь друга.

¹³ Бывали у гонений и экономические мотивы. Так, например, охоту зверей на людей (пленников, преступников) вместо традиционного *venatio* или поединков профессиональных гладиаторов устраивали потому, что это было дешевле [Oliver, Palmer 1955, pp. 325–327; Ville 1981, pp. 239–240, n. 30].

Еще два персонажа с именами-субститутами, или заместительными, появляются на арене. Рассказывая о них, Перпетуя не уверена, что опознает их правильно. Против нее выходит: *quidam Aegyptius* – «некий Египтянин». Слова *vir quidem* (некий муж) предвзвешивает и заместительное имя «Ланиста»; это распорядитель ее поединка с Египтянином. Ланиста – имя, замещающее имя Господа, Египтянин – имя, замещающее имя дьявола. То, что Ланиста был выше амфитеатра, держал ветвь с золотыми яблоками и благословил ее победу, говорит о его истинном имени. А безобразный Египтянин катается в пыли («пресмыкается во прахе»), и Перпетуя поражает его голову пятой, так же как когда он в образе змея хочет ужалить ее в пяту на лестнице и на арене (перефразирование Быт 3:15). Проснувшись, она сама понимает, что ей предстоит сражаться с дьяволом (X, 14).

Так же осторожно описывает она *седого человека в одежде пастуха*, от которого получает небесное причастие (IV, 8). Это не имя, конечно, но описательное обозначение Бога.

Сатур

Saturus – скорее всего, не прозвище, а очень распространенное греч. имя Σάτυρος – Сатир. Латинского имени Saturus не существовало¹⁴. Рукописная традиция колеблется в передаче имени между Сатуром и Сатиром (в греч. переводе Σάτυρος, Сатир). Как Saturus он предстает в видении Перпетуи (IV, 5), во вводных словах к *Видению* Сатура (XI, 1 только в М). В этих двух местах написание Saturus является в рукописях общим¹⁵. Такое написание было,

¹⁴ Некий противник Цицерона в процессе в защиту актера Росция звался Сатурием (P. Satrius). Он известен только из «Речи в защиту Росция», а имя его, вероятно, происходит от прилагательного *saturus* – сытый, густой, насыщенный. Суждения Хеффермана [Heffernan 2012, p. 275] о том, что имя Сатур означает духовную *насыщенность*, представляются надуманными. Satrius засвидетельствован и в старой «Просопографии Римской империи» (Prosopographia Imperii Romani. Saec. I. II. III / ed. P. de Rohden, H. Dessau. T. 3: P–Z. Berolini: apud Georgium Reimerum, 1898. P. 176), но не Saturus, так как это издание, как и соответствующее более новое (Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1–3 / ed. by A.H.M. Jones, J.R. Martindale, J. Morris. Cambridge: Cambridge University Press, 1971–1992), назначает личность исторической с позиции империи, греку и, скорее всего, вольноотпущеннику там не место.

¹⁵ Только в рук. G этого не происходит, зато в ней Сатур вообще постоянно заменяется Сатурином.

видимо, характерно для Карфагена¹⁶. В речи же Рассказчика в рук. А систематически Satirus (XIV, 1; XVII, 1; XVIII, 4, 7; XIX, 4–6; XXI, 1, 8), а рук. P, N, S время от времени сбиваются на Satyrus¹⁷. Позже мы сталкиваемся с Сатуром как собственным именем у Киприана Карфагенского (Ер. 21, 3; Ер. 24 и 29 Migne PL IV).

В своем *Видении* о посмертии Сатур называет имена только тех, кого он там увидел: Перпетую, мучеников, пострадавших ранее: Йокунда, Артаксия (армянское имя), Квинта, другого Сатурнина (XI, 9). Эти мученики, как было сказано выше, из исторических источников неизвестны. Кроме того, он и Перпетуя встречаются на границе Рая двух клириков, «Оптата, епископа, и Аспасия, пресвитера-наставника», которые просят помочь им разрешить, видимо, догматические разногласия в общине (XIII, 1): общаются мученики на том свете и клирики, мистически находящиеся на границе миров у могилы мучеников.

Рассказчик-Очевидец

Он называет всех мучеников, Святой Дух, а также Пудента, Гилариана, Цереру и Сатурна. Гилариан, вынесший смертный приговор, и главные языческие боги Карфагена представляют враждебный языческий мир. Кроме того, он называет Рустика, который вместе с родным братом Перпетуи был рядом с ней на арене, но остался безымянным. Мы полагаем, что Рустик и есть Рассказчик-Очевидец.

Будь Рассказчиком брат, в тексте сохранился бы след родственной близости, семейная тема. Рядом был и Пудент, но обращению

¹⁶ Карфагенянин Апулей называет сатира satirus в недвусмысленном мифологическом контексте: на свадьбе Купидона и Психеи Аполлон играет на кифаре и поет, Музы поют хором, а satirus дует во флейту (*Apul. Met. VI 24,13*). Такое же написание мы находим у Сервия (вне связи с Африкой): он обсуждает названия различных флейт, среди которых есть и Дионисовы, потому что ими в основном пользуются сатиры (*Serv. In Aen. XI, 738: et est Dionysia, cum maxime ea satiri utantur*). «Карфагенская или африканская» транскрипция греч. имени в видении Перпетуи и во вставленном заголовке к *Видению* Сатура говорит о том, что видение Перпетуи было написано первоначально на лат. языке. При переводе с греч. транскрипция была бы иной.

¹⁷ Локальные графические варианты Σάτουρος, Σατούρα, Σατουρίων вместо греч. Σάτυρος, Σατύρα, Σατυρίων существовали в Беотии в III–II вв. до н. э. [LPG 2000, s.v.]; но лат. ‘u’ греки передавали скорее как омикрон: Saturninus по-гречески Σατορνῖλος.

Пудента было на момент казни от силы неделя. Между тем рассказ Очевидца написан человеком, который способен осмыслить происходящее богословски. Предшествующий опыт тюремного стража не мог бы его подготовить ни к чему подобному.

Рустик не только тоже «мог» быть автором описания¹⁸, он оставил в тексте свою «сфрагиду», чтобы об авторе описания и его роли читатели могли догадаться «по совокупности улик»: «некий катехумен по имени Рустик» (*quidem... catechumenus Rusticus nomine* (XX, 8)¹⁹). Так он называет, как мы считаем, самого себя²⁰.

Пудент

Рядом с Рустиком был *Пудент*, что означает Скромный, Стыдливый, Почтительный, Благочестивый. Имя Пудента тоже может показаться прозвищем. Он был потрясен проявлением в христианах-узниках божественной силы и делал им всевозможные поблажки, а затем оказался на арене и получил от Сатура реликвию крови (XXI, 4–5). Но имя это очень распространенное: 435 случаев в эпиграфике по каталогу И. Каянто. И если бы не высокая встречаемость этого имени, можно было бы считать его христианским прозвищем. Пудента называет не только Рассказчик, но и Перпетуя, которая крайне скупа на именование окружающих людей. Перпетуя видит в нем могучее проявление божественной *virtus*, и потому его имя должно быть названо. Действительно, воин или стражник-язычник, который, видя перед собой христиан-мучеников, обращается к Богу и даже погибает вместе с ними, станет со

¹⁸ Еще комментатор нашего “*Passio*” в *Acta Sanctorum* назвал возможными авторами описания звероборства диаконов Помпония и Терция (назван почему-то Титом) и Рустика. Но это предположение снабжено замечанием, мол, кто из этих троих, «судить не берусь» (*Acta Sanctorum Martii a Ioanne Bollandi S.I. colligi feliciter coepta / A G. Henschenio et D. Papebrochio eiusdem Societatis Iesu aucta, digesta et illustrata. Antverpiae: apud Iacobum Meursium, 1668. P. 637*). Без специальной аргументации в пользу Помпония высказывались также Р. Браун, А. Бастиансен и Ж. Ама [Braun 1979, p. 117; Bastiaensen 1987, p. 418; Amat 1997, p. 69]; в пользу Рустика см.: [Шмайна-Великанова 2023, с. 334, примеч. 12].

¹⁹ «Неким афинянином Ксенофонтом» называет себя в «Анабасисе» (3.1.4) и Ксенофонт Афинский (благодарю за подсказку этого контекста М.Н. Казанскую).

²⁰ О всей совокупности «улик», указывающих на Рустика как автора описания тюрьмы и казни для всех мучеников, см.: [Брагинская 2023, с. 123–148].

временем любимым персонажем агиографии. Не потому, что так случалось часто, а как раз потому, что нечасто.

Чтобы ответить на поставленный нами вопрос: кто кого называет и кого не называет и почему, подробно обсуждать оставшиеся имена не нужно. Но мы их все-таки рассмотрим, опустив диакона Терция (а Помпония мы уже обсудили), доброго клирика, чья идентичность не представляется проблематичной.

Фелицитата

Фелицитата идет на свою казнь радостная: она молилась о преждевременных родах, чтобы выйти на арену с близкими ей людьми, а не с преступниками – как пришлось бы в том случае, если бы роды случились в нормальный срок, а не раньше. Считать ли, что она была прозвана «Счастливой», потому что была счастлива родить до дня казни, а исходно у нее было иное имя? В это трудно поверить, так как Фелицитата по эпитафическим данным – один из самых распространенных женских когноменов. По каталогу И. Каянто Felicitas занимает 11 место среди самых популярных, всего 458 случаев, из которых 316 – свободные женщины, 11 рабыни или вольноотпущенницы и 131 – христианки²¹. Оценить значимость такого имени для христиан, а оно у христиан частое, не представляется возможным, так как оно очень частое и у язычников. Хотя Перпетуя выступает в традиции в паре с Фелицитатой, имя «Перпетуя» не обнаруживает заметного увеличения встречаемости с наступлением христианской эры [Kajanto 1965, p. 50].

Секундул

Это имя неупотребительный деминутив, греческий перевод с его стремлением к норме называет его обычным именем «Секунд» (Второй (сын)), не уменьшительным. Уменьшительные формы могут быть обычными именами, например, Катулл. Но имя Секундул встречается еще всего один раз в нумидийской надписи²².

²¹ Еще 420 уменьшительных Felic(u)la, 213 Felicissima и 46 Felix применительно к женщинам (другие производные единичны), для мужчин Felix – тоже один из самых распространенных когноменов, счет идет на тысячи [Nuorluoto 2021, p. 53, n. 127, 58].

²² Это надпись II в. – AE 1995, 1775. См. также The Epigraphische Datenbank Heidelberg (EDH)) и комментарий Я. Бреммера [Bremmer 2017, p. 429].

Оно столь редкое, при том что Секунд весьма частое, что это наводит на мысль о ласковом, «домашнем» имени подростка. Он был убит в тюрьме, не был казнен на арене, и в этом Рассказчик усмотрел особую милость: «А Секундула Бог призвал поскорее покинуть сей мир, еще в тюрьме, по особой милости не отдав на растерзание зверям» (XIV, 2). Проявленная к нему милость состояла в том, что ему не пришлось испытать звероборства. Может быть, Рассказчик имел в виду то, что по возрасту Секундула не следовало подвергать испытанию звероборством: он мог не выдержать. В беседах в тюрьме он не участвует, Перпетуя его не упоминает.

Сатурнин Ревокат

Имена *Ревоката* и *Сатурнина* обозначают не двух человек, но одного: его имя Сатурнин, а прозвище Ревокат. *Сатурнин* относится к распространенным римским когноменам в старинном плебейском роде Аппулиев, оно было популярно и в Карфагене²³. Еще один Сатурнин-мученик упоминается в самом “*Passio*” в *Видении* Сатура (XI, 9), а у Киприана Карфагенского это имя носят четверо из списка африканских епископов (Ep. LIV ad init.). Частота этого имени в Карфагене связана с тем, что Сатурн был главным божеством римского Карфагена, занявшим место финикийского, т. е. пунийского Бела [Cadotte 2007, p. 25].

Святой Ревокат по сей день почитается церковью и фигурирует как отдельный мученик во всей без исключения научной и церковной литературе. Работу, в которой мы доказываем, что Ревокат – это прозвище Сатурнина, данное ему за его обет мученичества (*votum martyrii*), который был исполнен, как говорит Рассказчик, в качестве милости Божией, мы представим здесь конспективно.

Сатурнин хотел претерпеть мучения от всех зверей по очереди, и был на самом деле неоднократно *revocatus* (снова вызванным) на арену. Формы глагола *revocare* встречаются в описании игр в связи и с другими мучениками, Сатуром и Перпетуей с Фелицитатой: их тоже снова вызывают на арену после очередного раунда представления. Но только Сатурнин сам пожелал не умереть поскорее, а стать жертвою во всех актах представления, быть вызванным для сражения и с вепрем, и с медведем, и с леопардом.

Как мы установили, личное имя Ревокат до нашего текста в римской антропонимике не встречается. Но существует *revocatus*

²³ По каталогу когноменов И. Каянто [Kajanto 1965] всего Сатурнинов 1815, из них 40 – сенаторского сословия, 1712 – свободные, 63 – рабы и вольноотпущенники.

как почетный титул ветерана, которого за его заслуги с «пенсии» снова призвали на службу, причем в придворную гвардию императора; так именовали и того, кто выиграл скачки, но с повторного старта. Видимо, прозвище Ревокат для мученика, которого терзали один за другим несколько зверей, ассоциировалось с этими почетными званиями. Так христиане, прибегая к традиционным для римлян ценностям – терминам военной и спортивной побед, объявляли беззащитного мученика, брошенного на растерзание зверям и на потеху толпе, победителем, который получает от Бога нетленный венец одолевшего врага или соперника.

Имя «Ревокат» встречается в “*Passio*” три раза. «Ревокат» ничего не говорит, никак сам не действует, не высказывает никаких пожеланий. Решающую роль в его «воплощении» сыграло то, что им как отдельным субъектом начинается справка о составе действующих лиц в II, 1: Ревокат – раб того же хозяина, что и Фелицитата. Это сделало его историческим лицом на 18 столетий, а традиция добавила ему в сестры Фелицитату, дала ему роль в допросе и т. д. Исследователи идут дальше и делают его мужем Фелицитаты (как и мультфильм на сюжет «Страстей») ²⁴. Между тем Ревокат появляется в тексте еще только два раза и оба рядом с Сатурнином. По арене идут «Ревокат и Сатурнин и Сатур». Однако первый союз *et* отсутствует ²⁵. «Ревокат Сатурнин и Сатур» вместе грозят Гиляриану. Их двое.

Третий случай в XIX, 3. После сообщения о том, в чем состоял обет мученичества Сатурнина, рассказывается, как он был исполнен. Наш перевод по тексту лучших рукописей М и А: «И вот на него, вызванного по порядку представления снова, бросился леопард, а прежде на помосте он был истерзан еще и медведем». «Вызванный снова» – это причастие – *revocatus*, а не имя другого человека. В иных рукописях добавлено *ipse et revocatus/Revocatus*, и получается, что он сам, т. е. Сатурнин, и Ревокат участвуют в этом эпизоде с нападением леопарда, Сатурнина же («в результате» напрасного исправления и времен, и числа глаголов) растерзал медведь. Греческий перевод сгладил все так, что получилось относительно связно: «Он сам с Ревокатом выдержал нападение леопарда, а потом на помосте его растерзал медведь». Остается неясным, что случилось с Ревокатом *после*

²⁴ См.: [Praet 2003, pp. 465–466, п. 35].

²⁵ Союз *et* («и») между Ревокатом и Сатурнином отсутствует в Парижской (Р) и всех британских рук. (N, S, O, C), после Ревоката идет сразу Сатурнин, а не Сатур в лучшей рук. из Монте Кассино, а также в амой древней Сан-Галленской и близкой ей рук. из Айнзидельнского аббатства (M, G, E).

нападения леопарда. А ведь смерть мученика – это неременная часть Страстей.

Кроме того, мы знаем по описанию событий, в каком порядке зверей выводили на арену: вепрь – медведь – леопард, по возрастающей свирепости. В древних надписях и в надписаниях рукописей «Страстей» оба имени идут рядом: Ревокат Сатурнин. Мы пришли к выводу, что появление отдельного Ревоката в самом начале, в гл. II, принадлежит Редактору-Составителю, который вносил сведения о героях “*Passio*” для внешнего мира, возможно, спустя годы. Эта ошибка сделала из Ревоката отдельное историческое лицо.

Анонимы

Разумеется, анонимны все групповые персонажи. У Перпетуи – это старцы в Раю, юноши-помощники на арене (ангелы?). У Сатур в *Видении* Рая – старцы, ангелы, мученики и братья. Анонимной осталась у Редактора женщина-христианка – *quaedam soror*, которая воспитала тоже безымянную девочку – дочь Фелицитаты, *puella* и *filia*. У Рассказчика-Очевидца без имени остается брат Перпетуи – катехумен.

Сатур в своем сновидении, естественно, называет в основном обитателей иного мира, к которым относятся «словно бы человек с седыми волосами» и душа Перпетуи, покинувшая тело. Друг друга, как было сказано, Сатур и Перпетуя называют только в сновидениях. Как и Перпетуя, Сатур не упоминает никого из своих сомучеников, он только спрашивает у ранее пострадавших, которых перечислил: «Там мы встретили Йокунда, Сатурнина и Артаксия, коих сожгли живьем <...>, а еще Квинта, тоже мученика, умершего в тюрьме. И мы стали их спрашивать, где остальные» (XI, 9). Но вопрос повис в воздухе. Почему? Кто такие «остальные»? Сатур передал свое *Видение* на волю. Поскольку его *Видение* описывает посмертие как блаженство для мучеников и пребывание в Раю, это сочинение должно было, в частности, ободрить мучеников. В тюрьме были еще двое – Сатурнин, прозванный после казни Ревокатом, и беременная Фелицитата; возможно, подросток Секундул, если его не убили раньше. Этих троих нет в *Видении*. Не о них ли вопрос? Не о них ли и молчание в ответ на вопрос? Может быть, вопрос обращен к этим троим, еще ждущим своего испытания: останетесь тверды и будете с нами в Раю. Читая в тюрьме свое *Видение*, Сатур (а он его *edidit*, то есть сделал публичным, прочитал, передал для переписывания) видит перед собою юношу-раба, беременную рабыню,

возможно, еще и подростка Секундула, которые пока не обрели в глазах Сатура права на имя. Их надо ободрить и наставить, чтобы они выдержали страшную казнь. Главное, что хочет сообщить Сатур: известные нам мученики обретаются в Раю. Так он продолжает исполнять свою миссию наставника²⁶. Иного объяснения вопроса Сатура, на который ответа не последовало, мы вообразить не можем, и никаких комментариев на этот счет нам не попадалось.

Из уст Перпетуи мы не услышим ни одного имени ее родственников – ни отца, ни матери, ни двух братьев, ни маленького сына. И Рассказчик, и она сама называют их по родству: *Pater, Mater, Frater, Materna, Infans, Filius*. Только Динократ, находящийся уже в ином мире, называется многократно, ему посвящены два из четырех видений Перпетуи. Еще один близкий ей человек – муж и отец ребенка – окружен молчанием.

Другая анонимная группа в этом мире, резко разделенном на святых и преследователей, – это ангелы, старцы и мученики в белоснежных одеяниях и толпа, зеваки, пришедшие смотреть на *sena libera*, зрители игр, разного рода гонители и притеснители, *milites* (солдаты-взяточники), охранники-*prosecutores*, венаторы и др.

Индивидуальные гонители, кроме высшего начальства Гилариана, с которым Перпетуя встречается на суде, имени не получают: трибун, кто-то из темничных стражей (XV, 5: *quidam ex ministris cataractariorum*), неопытный гладиатор. Можно возразить: а покойный проконсул? а Цезарь Гета?

Имя Геты искажено или выброшено в части рукописей и отсутствует в греческом переводе (VII, 9). Вычеркивание Геты из текста считалось результатом *damnatio memoriae* самого имени убитого брата, объявленного его убийцей Каракаллой. Но было ли дело гонимым христианам до соблюдения запрета на имена их гонителей, когда они сами были под запретом? Перпетуя говорит трибуну, что она с сотоварищами – это узники «благороднейшего Цезаря», и не упоминает его имени, хотя для трибуна произносит титул *nobilissimus Caesar*, которым он официально именовался. Неважно, как его зовут, важно, чтобы трибун испугался упоминания о возможном недовольстве высокого начальства (XVI, 3).

²⁶ Не должно ли упоминание Квинта, умершего, как и Секундул, в тюрьме и тоже не претерпевшего страстей, но про которого сказано, что он «тоже мученик», успокоить слушателей и читателей насчет Секундула? Не попав на арену, он тем не менее соучаствовал в Страстях Христа.

Таблица 2

Имена и заместительные имена в “Passio”

Автор Пролога и Эпилога	Редактор- Состави- тель	Перпетуя	Сатур	Рассказчик- Очевидец (Рустик?)
1	2	3	4	5
Мученики				
	Revocatus		Iocundus	Saturninus Revocatus
	Saturninus			
			Artaxius	
	Felicitas		Saturninus-2	Felicitas
	Secundulus		Quintus	
	Vibia Perpetua	Perpetua	Perpetua	Perpetua
	Saturus	Saturus		Saturus
Клирики				
		Tertius diaconus	Optatus	
		Pomponius diaconus	Aspasius	
Обратившийся тюремщик				
		Pudens		Pudens
Имена и имена-заместители для иного мира				
Dominus		[Homo canus in habitu pastoris]	[Quasi homo canus, niveos habens capillos et vultu iuvenili, cuius pedes non vidimus]	Dominus
		Dinocrates		
Spiritus Sanctus		Pomponius diaconus в видении как Провожатый		Spiritus Sanctus

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
Iesus Christus		Iesus Christus		
		Vir quidam ... quasi Lanista		
		Quidam Aegyptius		
Исторические и символические гонители				
		Hilarius		Hilarius
		[Minucius Timinianus]?		Ceres
		Caesar [Geta?]		Saturnus
Имя вне категорий				
				Rusticus

Заклучение

Из того, что мы видим в табл. 2, имена имеют мученики, кроме сонмов, уже обитающих в Раю, и все клирики: у Перпетуи – Терций и Помпоний, у Сатура – Аспасий и Оптат. Эти двое живы, физически, видимо, они находятся возле усыпанных розовыми лепестками свежих могил Сатура и Перпетуи, а мистически – в молитвенном общении с мучениками у врат Рая под осыпающимися лепестками розовых деревьев (подробнее см.: [Брагинская 2021]). Названы именами или описательно все индивидуальные обитатели иного мира, являющиеся в пророческих сновидениях: Ланиста, Динократ, диакон Помпоний, сопровождающий в *Видении* Перпетую на ее битву с Египтянином, сам Египтянин – Дьявол. Ипостаси Троицы и Господь упоминаются у всех, кроме Редактора-Составителя. Назван по имени тюремщик и язычник Пудент, который, увидя в узниках силу Святого Духа, обратился – именно он на арене получает завещание от Сатура. Его стыдливое имя для Перпетуи и Рустика провиденциально, хотя это самое обыкновенное мужское имя этого периода.

Итак, мы обнаружили, что во всех текстах сборника имена собственные или заместительные даются всем индивидуальностям, подчеркнуто причастным сакральному с положительным или отрицательным знаком. Имена названы у всех индивидуальных

мучеников, всех клириков, а не просто добрых христиан, и у всех обитателей иного мира, а также у первых лиц гонения. Едва ли речь может идти о сознательно согласованной позиции или литературной стратегии. Мы провели своего рода «опрос» этих разных текстов, и выяснилось, что именем для истории обладают в этом тексте не все, но только фигуры высокой концентрации сакрального.

Сознательной же «стратегией» можно счесть отсутствие в *Прологе* и *Эпilogue* каких-либо имен, кроме божественных, и табуирование имени мужа Перпетуи.

Казалось бы, Пудент этому правилу не отвечает. Но Пудент не просто добрый христианин. Обращение тюремщика-язычника, который почувствовал в узниках действие высшей силы, – это торжество христиан. Обращение Пудента почти такое же событие, как мученичество, ибо доказывает силу и действие Святого Духа в человеке.

А катехумен Рустик введен «полулегально» в противоречии с заявлением, что он недостоин исполнить заветы Перпетуи, но исполняет и волю Святого Духа, и завет Перпетуи, а потому поименован – «некий катехумен» Рустик. Выделяющий его картуш – это то, что на нем ломается обнаруженная закономерность именования и анонимности. Он должен был быть безымянен, как и родной брат Перпетуи. Аномальность его упоминания и говорит о том, что это сфрагида Рассказчика-Очевидца.

Литература

- Брагинская 2021 – *Брагинская Н.В.* «Деревья были высотой с кипарис, а их листва непрерывно опадала» // *Człowiek jako znak / Man as a Sign: Tom jubileuszowy dla uczczenia 70-lecia prof. dr. hab. Zbigniewa Kłocha / Red. nauk E. Rudnicka et al.* Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2021. С. 87–97.
- Брагинская 2022 – *Брагинская Н.В.* Сколько сомучеников было у Перпетуи и Фелицитаты? // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2022. Т. 18. № 1. С. 48–77.
- Брагинская 2023 – *Брагинская Н.В.* Как звали Рассказчика-Очевидца в “*Passio Perpetuae et Felicitatis*?” // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2023. Т. 27. № 1. С. 123–148.
- Крюкова 2013 – *Крюкова А.Н.* Поэтика сновидений в раннехристианской литературе: на материале «Мученичества Перпетуи и Фелицитаты», «Мученичества Мариана и Иакова» и «Мученичества Монтана, Луция, Флавиана и других мучеников»: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. 181 с.
- Лебедев 2021 – *Лебедев П.Н.* «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» и вопрос о преследовании христиан в Римской империи при Септимии Севере // *Новый исторический вестник*. 2021. № 4 (70). С. 104–112.

- Лебедев 2023 – *Лебедев П.Н.* Мученица в кругу семьи: «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» и римские семейные ценности // Новый исторический вестник. 2023. № 1 (75). С. 75–95.
- Пантелеев 2017 – Ранние мученичества: Переводы, комментарии, исследования / Пер., коммент., вступ. ст., прил. и общ. ред. А.Д. Пантелеева. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2017.
- Шмаина-Великанова 2023 – *Шмаина-Великанова А.И.* Материнство и мученичество: Размышление о «Мученичестве свв. Перпетуи, Фелицитаты и с ними скончавшихся» и XIX оде Соломона // Миф, ритуал, литература / сост. Н.Б. Богданович; отв. ред. Ю.В. Иванова; науч. ред. С.Н. Давидоглу. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2023. С. 328–346.
- Ярошевская 2024 – *Ярошевская О.И.* Взаимоотношения с родственниками в семье мученицы Перпетуи // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2024. № 1. С. 93–108.
- Amat 1996 – *Amat J.* Passion de Perpétue et de Félicité suivi des Actes. P.: Les éditions du Cerf, 1996. 318 p.
- Bastiaensen 1987 – Atti e passioni dei martiri: Testo critico e commento / a cura di A.A.R. Bastiaensen et al. Milano: Mondadori, 1987. 615 p.
- Braginskaya, Lebedev 2023 – *Braginskaya N.V., Lebedev P.N.* How many co-authors had Perpetua and Saturus? // Scrinium: Journal of Patrology and Critical Hagiography. 2023. Vol. 19. P. 237–255.
- Braun 1979 – *Braun R.* Nouvelles observations linguistiques sur le rédacteur de la 'Passio Perpetuae' // Vigiliae Christianae. 1979. Vol. 33. No. 2. P. 105–117.
- Bremmer 2017 – *Bremmer J.N.* Maidens, magic and martyrs in Early Christianity. Collected essays. Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. 519 p.
- Bremmer, Formisano 2012 – *Bremmer J.N., Formisano M.* Perpetua's Passions: A brief introduction // Perpetua's Passions. Multidisciplinary approaches to the Passio Perpetuae et Felicitatis / ed. by J.N. Bremmer, M. Formisano. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 1–13.
- Cadotte 2007 – *Cadotte A.* La Romanisation des dieux: l'interpretatio romana en Afrique du Nord sous le Haut-Empire. Leiden: Brill, 2007. 750 p.
- Cobb 2021 – The Passion of Perpetua and Felicitas in Late Antiquity / ed. by L.S. Cobb; with transl. by A.S. Jacobs, L.S. Cobb. Oakland, CA: University of California Press, 2021. 362 p.
- Dronke 1984 – *Dronke P.* Women writers of the Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 338 p.
- Gonzales 2013 – *Gonzales E.* The passion of Perpetua and Felicitas as an adapted apocalypse // Plura: Revista de Estudos de Religião. 2013. Vol. 4. No. 1. P. 34–61.
- Habermehl 2004 – *Habermehl P.* Perpetua und der Ägypter oder Bilder des Bösen im frühen afrikanischen Christentum: Ein Versuch zur Passio sanctarum Perpetua et Felicitatis. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2004. 341 S.
- Heffernan 2012 – *Heffernan T.J.* The Passion of Perpetua and Felicity. N.Y.: Oxford University Press, 2012. 592 p.
- Kajanto 1965 – *Kajanto I.* The Latin cognomina. Helsinki: Keskuskirjapaino, 1965. 417 p.

- Kajanto 1977 – *Kajanto I.* On the peculiarities of women's nomenclature // *L'Onomastique latine* / ed. par N. Duval, D. Briquel, M. Hamiaux. P.: CNRS, 1977. P. 147–159.
- Kajava 1994 – *Kajava M.* Roman female praenomina: Studies in the nomenclature of Roman women. Rome: Institutum Romanum Finlandiae, 1994. 289 p.
- Kitzler 2015 – *Kitzler P.* From Passio Perpetuae to Acta Perpetuae. Recontextualizing a martyr story in the literature of the Early Church. Berlin; Boston: W. de Gruyter, 2015. 159 p.
- LPG 2000 – A lexicon of Greek personal names. Vol. 3.B: Central Greece: From the Megarid to Thessaly / ed. by P.M. Fraser, E. Matthews. Oxford: Clarendon Press, 2000. 478 p.
- Mennen 2011 – *Mennen I.* Power and status in the Roman Empire, AD 193–284. Leiden; Boston: Brill, 2011.
- Nuorluoto 2021 – *Nuorluoto T.* Roman female cognomina: Studies in the nomenclature of Roman women. Ph.D. Thesis. Uppsala: Uppsala University, 2021. 334 p.
- Oliver, Palmer 1955 – *Oliver J.H., Palmer R.E.A.* Minutes of an act of the Roman Senate // *Hesperia*. 1955. Vol. 24. P. 320–349.
- Praet 2003 – *Praet D.* 'Melior cupiditate detentus': Christian self-definition and the rejection of Marriage in the early acts of the martyrs // *Euphrosyne*. 2003. Vol. 31. P. 457–473.
- Rix 1963 – *Rix H.* Das etruskische Cognomen: Untersuchungen zu System, Morphologie und Verwendung des Personennamen auf den jüngeren Inschriften Nordetruriens. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1963. 410 S.
- Robeck 1992 – *Robeck C.M., Jr.* Prophecy in Carthage: Perpetua, Tertullian, and Cyprian. Cleveland: Pilgrim Press, 1992. 329 p.
- Shaw 1993 – *Shaw B.D.* The Passion of Perpetua // *Past and Present*. 1993. Vol. 139. P. 3–45.
- Van Beek 1936 – *Passio Sanctarum Perpetuae et Felicitatis*. Vol. 1 / ed. C.I.M.I. van Beek. Nijmegen: Dekker & Van de Vegt, 1936. 159 p.
- Ville 1981 – *Ville G.* La gladiature en occident des origines a la mort de Domitien. Rome: Ecole française de Rome, 1981. 519 p.

References

- Amat, J. (1996), *Passion de Perpétue et de Félicité suivi des Actes*, Les éditions du Cerf, Paris, France.
- Bastiaensen, A.A.R. (1987), *Atti e passioni dei martiri: Testo critico e commento*, Mondadori, Milano, Italy.
- Braginskaya, N.V. (2021), "The height of the trees was like that of cypress trees, and their leaves were falling without ceasing", in Rudnicka, E. et al., eds., *Człowiek jako znak / Man as a Sign. Tom jubileuszowy dla uczczenia 70-lecia prof. dr. hab. Zbigniewa Klocha*, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa, Poland, pp. 87–97.

- Braginskaya, N.V. (2022), "How many co-martyrs did Perpetua and Felicitas have?", *Acta Linguistica Petropolitana*, vol. 18, no. 1, pp. 48–77.
- Braginskaya, N.V. (2023), "What was the name of Eyewitness Narrator in 'Passio Perpetuae et Felicitatis?' ", *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, vol. 27, no. 1, pp. 123–148.
- Braginskaya, N.V., Lebedev, P.N. (2023), "How many co-authors had Perpetua and Satorus?", *Scrinium: Journal of Patrology and Critical Hagiography*, 2023, vol. 19, pp. 237–255.
- Braun, R. (1979), "Nouvelles observations linguistiques sur le rédacteur de la 'Passio Perpetuae'", *Vigiliae Christianae*, vol. 33, no. 2, pp. 105–117.
- Bremmer, J.N. (2017), *Maidens, magic and martyrs in Early Christianity. Collected essays*, Mohr Siebeck, Tübingen, Germany.
- Bremmer, J.N., Formisano, M. (2012), "Perpetua's Passions: A brief introduction", in Bremmer, J.N. and Formisano, M., eds., *Perpetua's Passions. Multidisciplinary approaches to the Passio Perpetuae et Felicitatis*, Oxford University Press, New York, USA, pp. 1–13.
- Cadotte, A. (2007), *La Romanisation des dieux: l'interpretatio romana en Afrique du Nord sous le Haut-Empire*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Cobb, L.S., ed. (2021), *The Passion of Perpetua and Felicitas in Late Antiquity*, University of California Press, Oakland, CA, USA.
- Dronke, P. (1984), *Women writers of the Middle Ages*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Fraser, P.M. and Matthews, E., eds. (2000), *A lexicon of Greek personal names, vol. 3.B: Central Greece: From the Megarid to Thessaly*, Clarendon Press, Oxford, UK.
- Gonzales, E. (2013), "The passion of Perpetua and Felicitas as an adapted apocalypse", *Plura: Revista de Estudos de Religião*, vol. 4, no. 1, pp. 34–61.
- Habermehl, P. (2004), *Perpetua und der Ägypter oder Bilder des Bösen im frühen afrikanischen Christentum: Ein Versuch zur Passio sanctarum Perpetua et Felicitatis*, De Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA.
- Heffernan, T.J. (2012), *The Passion of Perpetua and Felicity*, Oxford University Press, New York, USA.
- Kajanto, I. (1965), *The Latin cognomina*, Keskuskirjapaino, Helsinki, Finland.
- Kajanto, I. (1977), "On the peculiarities of women's nomenclature", in Duval, N., Briquel, D. and Hamiaux, M., eds., *L'Onomastique latine*, CNRS, Paris, France, pp. 147–159.
- Kajava, M. (1994), *Roman female praenomina: Studies in the nomenclature of Roman women*, Institutum Romanum Finlandiae, Rome, Italy.
- Kitzler, P. (2015), *From Passio Perpetuae to Acta Perpetuae. Recontextualizing a martyr story in the literature of the Early Church*, De Gruyter, Berlin, Germany, Boston, USA.
- Kryukova, A. (2013), *Poetika snovidenii v rannekhristianskoi literature: na materiale "Muchenichestva Perpetui i Felisitaty", "Muchenichestva Mariana i Iakova" i "Muchenichestva Montana, Lutsiya, Flaviana i drugikh muchenikov"* [The poetics of dreams in Early Christian literature: on the base of the Passion of Perpetua and Felicity, the Martyrdom of Marian and James, and the Martyrdom

- of Montanus, Lucius, Flavian and Others], Ph.D. Thesis (Philology), MGU, Moscow, Russia.
- Lebedev, P.N. (2021), “ ‘Passio Sanctarum Perpetuae et Felicitatis’ and the question of the persecution of Christians in the Roman Empire under Septimius Severus”, *The New Historical Bulletin*, vol. 70, no. 4, pp. 104–112.
- Lebedev, P.N. (2023), “A martyr in the family circle: The ‘Passio Sanctarum Perpetuae et Felicitatis’ and Roman family values”, *The New Historical Bulletin*, vol. 75, no. 1, pp. 75–95.
- Mennen, I. (2011), *Power and status in the Roman Empire, AD 193–284*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA.
- Nuorluoto, T. (2021), *Roman female cognomina: Studies in the nomenclature of Roman women*, Ph.D. Thesis, Uppsala University, Uppsala, Finland.
- Oliver, J.H., Palmer, R.E.A. (1955), “Minutes of an act of the Roman Senate”, *Hesperia*, vol. 24, pp. 320–349.
- Panteleev, A.D. (ed.) (2017), *Rannie muchenichestva. Perevody, kommentarii, issledovaniya* [Early martyrdom. Translations, comments, studies], Gumanitarnaya akademiya, Saint Petersburg, Russia.
- Praet, D. (2003), “ ‘Melior cupiditate detentus’: Christian self-definition and the rejection of Marriage in the early acts of the martyrs”, *Euphrosyne*, vol. 31, pp. 457–473.
- Rix, H. (1963), *Das etruskische Cognomen: Untersuchungen zu System, Morphologie und Verwendung des Personennamen auf den jüngeren Inschriften Nordetruriens*, Otto Harrassowitz, Wiesbaden, Germany.
- Robeck, C.M., Jr. (1992), *Prophecy in Carthage: Perpetua, Tertullian, and Cyprian*, Pilgrim Press, Cleveland, USA.
- Shaw, B.D. (1993), “The Passion of Perpetua”, *Past and Present*, vol. 139, pp. 3–45.
- Shmaina-Velikanova, A.I. (2023), “Motherhood and martyrdom: Thoughts on the Passion of Saints Perpetua and Felicity and The 19th Ode of Solomon”, in Ivanova, Yu.V. et al., eds., *Mif, ritual, literatura* [Myth, ritual, literature], HSE Publishing House, Moscow, Russia, pp. 328–346.
- Van Beek, C.I.M.I. (1936), *Passio Sanctarum Perpetuae et Felicitatis*, vol. 1, Dekker & Van de Vegt, Nijmegen, Netherlands.
- Ville, G. (1981), *La gladiature en occident des origines a la mort de Domitien*, Ecole française de Rome, Rome, Italy.

Информация об авторе

Нина В. Брагинская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; 1satissuperque@gmail.com

Information about the author

Nina V. Braginskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; 1satissuperque@gmail.com